

На правах рукописи

Макасева Ася Александровна

**РЕАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП
ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
В ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 2019

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Наумов Анатолий Валентинович

Официальные оппоненты: Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Фролова Александра Игоревна,
кандидат юридических наук, АО «Химре-активснаб», начальник юридического отдела

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита состоится 25 июня 2019 года в 16⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 229.001.01, созданного на базе ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», по адресу: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» www.rpa-mi.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

З. В. Каменева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Определение пространственных пределов действия национальных уголовно-правовых норм имеет важнейшее значение в реализации как отечественного, так и международного уголовного права. Данная проблематика на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание исследователей, которые внесли значительный вклад в развитие рассматриваемой темы.

Однако решение вопросов пространственного действия уголовного закона приобрело особую актуальность в современных условиях, когда возникла непосредственная необходимость осуществлять всеобъемлющую защиту государственных интересов, а также интересов российских граждан от посягательств на них извне. В условиях напряженной международно-правовой обстановки цель охраны указанных интересов приобрела особое значение. И, несомненно, борьба с преступностью, координация действий правоохранительных органов становятся невозможными без выработки приемлемых с точки зрения суверенитета и независимости государства правил по реализации норм национального уголовного законодательства. Тем не менее, в настоящее время существует достаточное количество препятствий полноценной практической реализации юрисдикционных положений российского уголовного закона.

Анализируя работы отечественных и зарубежных правоведов, не сложно проследить определенные тенденции, на базе которых были сформулированы принципы реализации уголовно-правовых норм, в том числе и реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Однако, несмотря на то что данный принцип имел своей целью разрешить всевозможные коллизии, связанные с определением нормы, которую следует применять в случаях, когда в одно и то же время находят точку соприкосновения законодательные положения различных территорий, однозначная позиция относительно практики применения данного принципа по-прежнему не сформирована, что позволяет сделать вывод о необходимости разрешения существующих коллизий.

Все это подчеркнуло и актуализировало необходимость решения проблем законодательного формулирования реального принципа и переноса их в практическую плоскость с учетом современных российских условий.

Кроме того, сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства показал, что национальный законодатель по-разному формулирует реальный принцип пространственного действия уголовного закона, руководствуясь различными признаками и критериями. Определенные различия и особенности существуют не только относительно круга деяний, подпадающих под действие рассматриваемого принципа, но и круга лиц, на которых реальный принцип распространяется. Проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности, усугубляются, кроме того, наличием «размытых» и неоднозначных законода-

тельных формулировок, отсутствием законодательного единообразия, что в результате препятствует полноценной реализации норм национального уголовного законодательства.

Вышеизложенное позволяет говорить об актуальности избранной темы исследования и необходимости детального раскрытия сущности и содержания реального принципа действия уголовного закона в пространстве на основе анализа отечественного и зарубежного законодательства, что в итоге предоставит возможность восполнить пробелы, существующие в современной правоприменительной практике, связанные с проблемами реализации рассматриваемого принципа.

Степень научной разработанности темы исследования. До настоящего времени вопросы практического воплощения реального принципа пространственного действия уголовного закона затрагивались в российской уголовно-правовой доктрине лишь в связи с общей характеристикой действия уголовного закона в пространстве. В советский период принципы пространственного действия уголовного закона анализировались в трудах М. И. Блум, Я. М. Брайнина, Н. Д. Дурманова, А. В. Наумова, М. Д. Шаргородского и др. исследователей, в современный период некоторые вопросы экстра TERRITORIALного действия уголовного закона нашли свое отражение в работах Г. И. Богуша, Ю. А. Зюбанова, Л. В. Иногамовой-Хегай, А. Р. Каюмовой, А. Г. Князева, А. Г. Кибальника, М. Г. Мельникова, А. И. Фроловой, Ю. Н. Харламовой, Р. Р. Хаснудинова, К. А. Цая.

Между тем в отечественной уголовно-правовой доктрине отсутствуют специальные комплексные исследования, посвященные решению вопросов применения уголовного законодательства согласно реальному принципу.

Цель диссертационного исследования состоит в обосновании необходимости расширения пределов практического применения российского уголовного законодательства в соответствии с реальным принципом пространственного действия уголовного закона, подтверждении ряда теоретических положений, способствующих решению вопросов определения криминообразующих признаков¹ реального принципа дей-

¹ В теории уголовного права криминообразующие признаки — это термин, применяемый в отношении признаков состава преступления, совокупность которых позволяет рассматривать деяние как преступное и в обязательном порядке учитывается правоприменителем при квалификации содеянного. Тем не менее с определенной долей условности, считаем возможным использование данного понятия также и для определения круга деяний, на которые распространяется реальный принцип действия уголовного закона в пространстве, так как для реализации рассматриваемого принципа правоприменителю также следует определить наличие указанных в ч. 3 ст. 12 УК РФ законодателем признаков (интересы, на которые посягает преступление — интересы Российской Федерации или интересы граждан РФ, постоянно проживающих в РФ лиц без гражданства; место совершения преступления — вне пределов РФ; лицо, совершившее преступление, — постоянно не проживающие в РФ иностранный гражданин или лицо без гражданства, при условии, что указанные лица не были осуждены в иностранном государстве). Таким образом, наличие или же отсутствие определенных признаков и позволяет установить, подпадает ли под действие реального принципа то или иное преступное деяние.

ствия уголовного закона в пространстве, а также разработке рекомендаций по совершенствованию норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), практики их эффективной реализации для защиты не только государственных интересов, но и интересов граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства, а также интересов зарегистрированных в Российской Федерации юридических лиц.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

- провести историко-правовой анализ норм, закрепляющих реальный принцип действия уголовного закона в пространстве в различные периоды развития российского государства (дореволюционный, советский, современный);

- исследовать в сравнительно-правовом аспекте особенности законодательного закрепления и отграничения реального и универсального принципов экстра TERRИТОРИАЛЬНОГО действия уголовных законов зарубежных стран;

- выявить особенности и проблемы закрепления реального принципа в современном УК РФ и обосновать необходимость его совершенствования;

- выявить проблемы практической реализации экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ юрисдикции РФ согласно реальному принципу;

- определить возможные пути заимствования зарубежного опыта законодательного закрепления реального принципа пространственного действия уголовного закона в целях решения проблем реализации экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ юрисдикции РФ;

- сформулировать рекомендации по совершенствованию российского уголовного законодательства в части его применения в соответствии с реальным принципом.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная работа представляет собой первое в отечественной уголовно-правовой науке исследование, специально посвященное теоретическому обоснованию реального принципа, решению проблем его законодательного формулирования и закрепления, а также внедрению последнего в практическую деятельность в условиях назревшей необходимости выработки наиболее эффективного правового механизма защиты государственных интересов, а также интересов граждан РФ, постоянно проживающих в РФ лиц без гражданства и зарегистрированных в РФ юридических лиц.

Автором сформулированы рекомендации по совершенствованию российского уголовного законодательства в части его применения в соответствии с реальным принципом, что позволит повысить эффективность экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ реализации норм УК РФ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты обосновывают новый подход к решению проблем, связанных с практическим применением реального принципа действия уголовного закона в пространстве в целях защиты интересов Российской Федерации, а также интересов российских граждан, постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства и зарегистрированных в Российской Федерации юридических лиц. Кроме того, результаты исследования расширяют знания в области определения пространственных пределов действия уголовного закона, а также могут быть использованы при формулировании понятийного аппарата. Представленные в работе положения могут послужить в качестве теоретического материала для осуществления последующих научных исследований.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут послужить основой для совершенствования не только норм российского уголовного законодательства, но и практики его реализации в соответствии с реальным принципом пространственного действия уголовного закона. Сформулированные в работе выводы и предложения могут найти воплощение в правоприменительной деятельности практических работников в сфере уголовной юстиции, а также использованы при преподавании курса уголовного права.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами (диалектический, индукция, дедукция, синтез, анализ и др.), а также частнонаучными, среди которых особое место заняли формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой и статистический методы познания. Исторический метод позволил проследить эволюцию норм, закрепляющих реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Анализ зарубежного законодательства стал возможным благодаря применению сравнительно-правового метода. Статистический метод реализовался при проведении социологического исследования по вопросам законодательного закрепления и практического применения рассматриваемого принципа.

Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные действию уголовного закона в пространстве (М. И. Блум, Г. И. Богуш, А. И. Бойцов, Ю. А. Зюбанов, А. Г. Князев, М. Г. Мельников, А. И. Фролова, Ю. Н. Харламова, Р. Р. Хаснутдинов, К. А. Цай), а также работы специалистов в области уголовного и международного права (Я. М. Брайнин, А. Э. Жалинский, Н. Г. Иванов, Л. В. Иногамова-Хегай, А. Р. Каюмова, А. Г. Кибальник, И. И. Лукашук, А. В. Наумов, О. С. Черниченко, С. В. Черниченко, М. Д. Шаргородский, В. Ф. Щепельков).

Нормативно-правовую базу исследования составили применимые к объекту исследования положения международных актов, а также

нормы Конституции РФ, отечественного и зарубежного уголовного законодательства, подзаконных нормативных актов.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в результате проведенного социологического исследования — анкетирования 200 сотрудников правоохранительных органов в Калужской, Курской, Орловской, Свердловской, Тульской областях в 2015 г., а также анкетирования 40 научно-педагогических работников, магистрантов и докторантов в 2015 г. (Астана, Республика Казахстан).

Объектом исследования является процесс становления и развития реального принципа пространственного действия уголовного закона в зарубежном и отечественном законодательстве, а также общественные отношения, возникающие при определении пространственных пределов действия уголовного закона согласно реальному принципу.

Предмет исследования составили нормы отечественного уголовного законодательства (различных исторических периодов его развития), нормы зарубежного уголовного законодательства, международного уголовного права, а также научные позиции исследователей в сфере определения пространственных пределов действия уголовного закона. Кроме того, в качестве предмета выступили результаты проведенного социологического исследования (анкетирования) среди сотрудников правоохранительных органов, научно-педагогических работников, а также магистрантов и докторантов.

В результате проведенного исследования **на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:**

1. Обосновано, что реальный принцип действия уголовного закона в пространстве является уникальным экстратерриториальным средством защиты не только интересов государства, но и его граждан, постоянно проживающих на его территории лиц без гражданства, юридических лиц от посягательств на них, совершенных вне пределов Российской Федерации. Доказано, что данный принцип позволяет дополнить остальные принципы пространственного действия уголовного закона, а также устранить их недостатки. В то же время эффективность этого средства зависит не только от своевременного разрешения вопросов его законодательного формулирования, но и проблем его практической реализации, требующей целого комплекса мер организационно-правового характера.

2. Автор пришел к выводу, что некоторые вопросы пространственного действия уголовного закона находили свое решение еще в древнегреческом и римском уголовном праве, однако реальный принцип действия уголовного закона в пространстве получил свое распространение лишь в конце XIX — начале XX в., что было, с одной стороны, обусловлено господствующей длительное время позицией о недопустимости

непомерного расширения пределов государственной юрисдикции, с другой — продиктовано необходимостью защищать интересы государства, а также его граждан от преступлений, совершенных иностранными гражданами за границей против указанных интересов (особенно в связи с военными действиями в пределах территорий тех или иных государств).

3. Обоснована позиция, что реальный принцип действия уголовного закона в пространстве следует рассматривать в двух аспектах:

1) реальный принцип в собственном смысле слова (как принцип защиты интересов государства) — в широком понимании;

2) пассивный персональный принцип (как принцип защиты интересов граждан, постоянно проживающих на территории государства лиц без гражданства, а также юридических лиц) — в узком понимании.

4. Проведенный историко-правовой анализ показал, что реальный принцип пространственного действия уголовного закона был предусмотрен в первом советском уголовном кодексе (УК РСФСР 1922 г.), однако просуществовал недолго (уже в 1924 г. реальный принцип не нашел своего закрепления в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; не был он восстановлен вплоть до 1996 г.). Отстаивается положение о том, что столь непродолжительное существование исследуемого принципа было вызвано исключительно причинами политического порядка. Кроме того, советское уголовное законодательство в первую очередь было призвано осуществлять защиту государственных интересов, которая, исходя из норм уголовного закона, становилась возможной и без чрезмерного расширения пространственных пределов его действия.

5. Автором сделано заключение о том, что реальный принцип имеет особенности формулирования в уголовном законодательстве стран, принадлежащих к различным правовым семьям. В странах англосаксонской правовой семьи особенности формулирования реального принципа обусловлены практикой его применения. В странах континентального права прослеживается такая особенность закрепления реального принципа действия уголовного закона в пространстве, как его способ. Чаще всего законодатель использует перечневый подход, перечисляя преступления, на которые рассматриваемый принцип распространяется, что позволяет также отграничить реальный принцип от универсального. Анализ уголовных законов стран СНГ показал, что в большинстве государств реальный принцип нашел свое отражение: объект посягательства выражается, как правило, формулами «преступления против интересов (название государства)», «преступления против граждан (название государства)». При этом ни одно государство (СНГ) не указывает на защиту интересов юридических лиц. В странах мусульманской правовой семьи реальный принцип отражен в уголовном законодательстве лишь некото-

рых государств. Однако его формулировки далеки от современного понимания реального принципа, так как не содержат законодательной конкретизации основных криминообразующих признаков рассматриваемого принципа.

6. Доказано, что круг деяний, подпадающих под действие реального принципа, требует своей конкретизации. Восполнение указанного пробела возможно посредством дополнения ст. 12 УК РФ примечанием, в котором будут даны определения понятий: «преступления, направленные против интересов Российской Федерации», а также «преступления, направленные против прав и свобод граждан Российской Федерации или постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства». Кроме того, автор считает необходимым указать в ч. 3 ст. 12 УК РФ на категорию преступления в зависимости от степени тяжести, распространяя реальный принцип лишь на тяжкие и особо тяжкие преступления.

7. Обосновывается позиция о том, что конструкция «привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ» (ч. 3 ст. 12 УК РФ) является избыточной, так как, с одной стороны, уголовное право РФ не применяется на территории иностранных государств, а с другой стороны, привлечение к уголовной ответственности — это фактически термин, не нашедший своего легального закрепления, но применяемый в уголовно-процессуальном законодательстве. Кроме того, сам факт нахождения виновного в совершении преступления (направленного против интересов Российской Федерации, интересов граждан Российской Федерации или постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства) за пределами РФ не является препятствием для возбуждения уголовного дела при наличии к тому законных оснований. В связи с этим полагаем, что конструкция «подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу» является достаточной и не требует дополнительной конкретизации в формулировке «привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ».

8. Автор пришел к выводу, что, несмотря на внесенные Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ изменения в ч. 3 ст. 12 УК РФ, позволившие рассматривать интересы граждан Российской Федерации как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны (а не составляющую часть интересов Российской Федерации), зарубежный опыт конструирования норм уголовного законодательства, формулирующих реальный принцип, показывает, что существует необходимость конкретизировать интересы гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства словосочетанием «права и свободы», а также включить в предусмотренную ч. 3 ст. 12 УК РФ норму в качестве объекта уголовно-правовой охраны интересы юридических лиц, и изложить указанную норму в следующей редакции: «Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие

постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу *в случаях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления*, направленного против интересов Российской Федерации, *прав и свобод* гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства *либо интересов зарегистрированного в Российской Федерации юридического лица*, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве».

9. Сделано заключение, что экстратерриториальное применение норм уголовного законодательства требует в качестве обязательного условия определение места совершения преступления (вне пределов территории РФ), однако указанное понятие не нашло своего законодательно закрепления в УК РФ. Считаем необходимым восполнить данный пробел посредством включения примечания к ст. 11 УК РФ:

«Примечание. Местом совершения преступления признается место, в котором было начато, или продолжилось, или было окончено либо пресечено преступление.

Преступление считается совершенным на территории РФ в следующих случаях:

а) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено на территории РФ, и общественно опасные последствия наступили на территории РФ;

б) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено на территории РФ, а общественно опасные последствия наступили вне пределов РФ;

в) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено вне пределов территории РФ, а общественно опасные последствия наступили на территории РФ;

г) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено в соучастии с лицами, осуществившими преступную деятельность на территории другого государства».

10. Диссертант сделал заключение, что содержащаяся в ч. 3 ст. 12 УК РФ формулировка «не были осуждены в иностранном государстве» уже формулировки «не имеется решение суда иностранного государства», и в случаях, когда в отношении совершившего преступление лица вынесен оправдательный приговор, отсутствуют препятствия примене-

ния реального принципа пространственного действия уголовного закона (при наличии остальных необходимых для этого условий).

11. Обосновывая различия реального и универсального принципов действия уголовного закона в пространстве, автор отстаивает положение об отсутствии необходимости раздельного законодательного закрепления вышеуказанных принципов, которое может привести к нарушению традиции российской законодательной техники.

12. Определено, что особенности действия норм национального и международного права позволяют говорить о существенных отличиях понимания реального принципа действия норм национального законодательства, а также норм международного уголовного права, которые при установленных условиях могут также применяться на территории государств, не являющихся участниками того или иного международного соглашения. Иными словами, реальный принцип выступает в качестве так называемого исключения, только не из территориального принципа (как в национальном праве), а из, условно говоря, той территории, на которую распространяется международное соглашение в зависимости от участия в нем тех или иных государств.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались и прошли апробацию на кафедре уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России) и получили отражение в опубликованных работах, среди которых монография, а также тринадцать научных статей, в том числе изданных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научно-теоретические положения и практические выводы докладывались и обсуждались на международных, а также всероссийских и региональных конференциях.

Материалы проведенного исследования внедрены в учебный процесс и используются при проведении занятий по дисциплине «Уголовное право» в Тульском институте (филиале) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определяются его цели и задачи, методологическая, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая основы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, объект и предмет исследования, характеризуется научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, представлена информация о результатах апробации и внедрения некоторых результатов исследования.

Первая глава «Социальная обусловленность закрепления реального принципа действия уголовного закона в пространстве» включает в себя три параграфа.

В первом параграфе предметом исследования стали особенности зарождения и развития реального принципа в международном праве.

Автор отмечает, что некоторые вопросы пространственного действия уголовного закона решались еще в древности: как в древнегреческом, так и римском уголовном праве. Самым первым получил свое развитие территориальный принцип, представляя собой основу учения о пространственном действии уголовного закона. Позже в теории стал разрабатываться национальный принцип, причина появления которого заключалась в том, что территориальный принцип не позволял государству наказывать собственного подданного, совершившего преступление за границей и возвратившегося в отечество.

Однако практика показала, что ограничиться применением только вышеуказанных принципов не представлялось возможным: идеи территориального и национального принципов не могли всесторонне охватить все возможные ситуации. В связи с этим в правоприменительной деятельности возник целый ряд проблем, которые и выдвинули существенные возражения преимущественно территориальному принципу, так как в случае совершения преступления иностранным гражданином в одном государстве преступник может спокойно проживать в другом. Указанное обстоятельство и породило необходимость поиска обоснований другим принципам пространственного действия уголовного закона, среди которых нашел свое место также и реальный принцип.

Автор демонстрирует постепенное зарождение реального принципа в международном праве, а также преобладающее критическое отношение правоведов к появлению указанного принципа.

В работе обосновывается вывод, что в конце XIX — начале XX в. из реального принципа как принципа защиты государственных интересов в качестве самостоятельного принципа был выделен пассивный персональный (принцип защиты индивидуальных интересов), который

предполагает применение уголовного закона в отношении иностранных граждан, совершивших преступления за пределами государства, но посягающих на интересы его граждан. По этому вопросу существовала неоднозначная позиция, так как фактически можно обозначить два основных подхода к необходимости выделения пассивного персонального принципа в качестве самостоятельного:

1) объединение его с реальным принципом, что в совокупности позволяет рассматривать последний как принцип защиты интересов государства, а также его граждан;

2) деление реального принципа на два вида: принцип защиты интересов государства и принцип защиты индивидуальных интересов.

Одновременно с этим автор обосновывает позицию, что в XIX в. пассивный персональный принцип не встретил всеобщего одобрения, и даже после его законодательного закрепления в действующем на тот момент уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран значительная часть исследователей возражала против пассивного персонального принципа, объясняя его существование единственной преследуемой целью — непомерным расширением пределов действия национального уголовного закона.

Тем не менее влияние государств, которые одни из первых стали рассматривать и применять реальный принцип в качестве необходимого (Франция и Италия), привело к тому, что к началу XX в. почти все европейские государства приняли смешанную систему принципов действия уголовного закона, основанную на сочетании территориального и национального критериев, при которых юрисдикция в отношении преступлений, совершенных за границей иностранцами, допускалась как исключение.

Анализ особенностей зарождения и развития реального принципа действия уголовного закона в пространстве позволяет сделать вывод, что в зарубежных государствах рассматриваемый принцип именовался по-разному. Так, например, в немецкой литературе реальный принцип носил название принципа участвующего правопорядка, в австрийской — пассивного национального принципа. В России же конца XIX в. этот принцип русские криминалисты именовали принципом общественного самосохранения.

Автор отмечает, что в дальнейшем стала прослеживаться тенденция все большего распространения реального принципа в уголовном законодательстве разных стран, и перед Второй мировой войной он был признан многими государствами (Бразилия, Венесуэла, Германия, Дания, Италия, Китай, Перу, Франция, Швейцария, Япония) и международным правом.

Второй параграф посвящен сравнительно-правовому анализу уголовного законодательства зарубежных стран. Диссертант акцентирует

внимание на том, что определение пространственных пределов действия уголовного закона представляет собой универсальную проблему для всех существующих правовых систем, что в конечном итоге требует ограничения сферы распространения юрисдикции каждого государства.

Посредством проведенного анализа автор приходит к выводу, что общность политической проблематики порождает некоторое сходство нормативного регулирования принципов действия уголовных законов РФ и зарубежных стран в пространстве. Однако определение пространственных пределов действия уголовного закона в разных государствах имеет свои особенности, анализ которых позволил наиболее глубоко изучить все достоинства и недостатки формулирования реального принципа в уголовных законах зарубежных стран, а также на основании этого определить наиболее оптимальную законодательную формулу воплощения реального принципа в УК РФ.

Диссертант отмечает, что в той или иной форме реальный принцип нашел свое отражение в законодательстве практически всех зарубежных стран, исключение составляют лишь уголовные кодексы некоторых государств, среди которых, в частности, Кыргызстан, Узбекистан, Лаос.

Автор приходит к выводу, что существует целый ряд особенностей формулирования и закрепления реального принципа в зарубежных странах, принадлежащих к различным правовым семьям: законодательное определение деяний, наказуемых в соответствии с рассматриваемым принципом (с учетом объектов уголовно-правовой охраны, категории преступления, предусмотренных наказаний), определение круга лиц, на которых реальный принцип распространяется, совместное или раздельное закрепление реального и универсального принципов.

Несмотря на то что наиболее часто под действие реального принципа подпадают посягательства на независимость и безопасность государства, посягательства на высшие органы государственной власти, конституционный строй, национальную экономику, отраженные в работе особенности формулирования реального принципа позволяют сделать вывод о значительном разбросе оснований уголовной ответственности в законодательстве зарубежных стран.

Таким образом, выявленная диссертантом общая тенденция к определению ответственности иностранных граждан за преступления, совершенные ими за границей, с одной стороны, подтверждает научную позицию о постепенном происходящем сближении уголовного законодательства различных правовых систем, с другой — обнаруживает определенные различия в законодательной и юридической технике закрепления реального принципа в зарубежных странах.

Третий параграф позволяет проследить эволюцию норм российского права, закрепляющих реальный принцип пространственного действия уголовного закона.

Автор отмечает, что реальный принцип действия уголовного закона в пространстве на протяжении всей истории развития нашего государства, дополняя остальные принципы пространственного действия уголовного законодательства, постепенно приобретал особое значение.

Однако эволюция норм российского уголовного законодательства происходила в несколько этапов, о чем свидетельствует, например, советский период в истории России: реальный принцип, нашедший свое закрепление еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., прекратил свое существование в 1924 г. вплоть до 1996 г.

Диссертант акцентирует внимание на том, что, несмотря на отсутствие законодательного закрепления данного принципа, вопрос о необходимости законодательного регулирования время от времени ставился в теории советского уголовного права. Но тем не менее предложения нормативного регулирования реального принципа пространственного действия уголовного закона не нашли своего законодательного воплощения в Советской России и были отражены лишь в Федеральном законе от 13.04.1996 № 30-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР».

Автором обосновывается вывод, что редакция 1996 г. не была безупречной, это обуславливалось не только неопределенностью понятия «интересы Российской Федерации», но и тем, что она не соответствовала представлению о расстановке ценностных приоритетов, охраняемых уголовным законом (человек — общество — государство): учитывались интересы государства, но не интересы потерпевших от преступления российских граждан.

Устранить указанные пробелы, в частности расширить толкование термина «интересы Российской Федерации», была призвана новая редакция УК РФ с внесенными Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ изменениями.

Проведенный диссертантом глубокий анализ нормативных правовых актов, устанавливающих в различные исторические периоды уголовную ответственность иностранных лиц (а также лиц без гражданства) за совершенные ими преступления за пределами России, а также анализ научно-теоретических позиций и взглядов исследователей-правоведов по данному вопросу позволили сделать вывод, что нормы, закрепляющие реальный принцип действия уголовного закона, претерпевали неоднократные изменения, однако и в настоящее время они не являются совершенными.

В частности, после того, как был решен вопрос расширительного толкования понятия «интересы Российской Федерации», практически сразу же возник новый: входят ли в объект уголовно-правовой охраны интересы и юридических лиц? Указанный вопрос до сих пор не нашел своего законодательного решения.

Авторская позиция заключается в том, что существует необходимость включить в предусмотренную ч. 3 ст. 12 УК РФ норму в качестве объекта уголовно-правовой охраны интересы юридических лиц.

Кроме того, современная редакция ч. 3 ст. 12 УК РФ не конкретизирует те преступления, на которые распространяется реальный принцип, ни одним из возможных способов (например, указание на родовую принадлежность и категорию преступления).

Также диссертант указывает на необходимость уточнения пассивного персонального принципа посредством включения в ч. 3 ст. 12 УК РФ формулировки «*прав и свобод* гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства». Это позволит устранить разночтения и облегчить процесс толкования указанной нормы, так как современная формулировка не решает вопроса о том, о каких именно преступлениях идет речь (направленных против гражданина/лица без гражданства или против интересов гражданина/лица без гражданства).

По мнению автора диссертации, указанная норма также содержит избыточную конструкцию — «привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ», так как, с одной стороны, уголовное право РФ не применяется на территории иностранных государств, с другой стороны, привлечение к уголовной ответственности — это фактически термин, не нашедший своего легального закрепления, но применяемый в уголовно-процессуальном законодательстве.

Вторая глава «Реальный принцип как способ защиты конституционных прав граждан и интересов государства» включает в себя три параграфа.

В первом параграфе реальный принцип рассмотрен как исключение из территориального принципа действия уголовного закона в пространстве.

Диссертант анализирует криминообразующие признаки территориального и реального принципов посредством сопоставления таких понятий, как «территориальная юрисдикция» и «экстратерриториальная юрисдикция», акцентируя внимание на том, что применение реального принципа является лишь одним из возможных вариантов реализации экстратерриториальной юрисдикции государства.

Автор доказывает необходимость четкого определения всех криминообразующих признаков реального принципа.

По мнению автора, следует признать наличие законодательного пробела в части определения места совершения преступления. Толкование отсутствующего в уголовном законодательстве понятия «место совершения преступления» не только не решает вопросов теоретического характера, но и усложняет процесс правопонимания и практического применения всех предусмотренных УК РФ инструментов реализации российской юрисдикции в целях защиты государственных интересов, а также интересов российских граждан и постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства, зарегистрированных в РФ юридических лиц.

Кроме того, диссертант делает вывод о том, что реальный принцип пространственного действия уголовного закона фактически распространяется на четыре категории лиц: иностранные граждане, не проживающие постоянно на территории РФ; лица без гражданства, не проживающие постоянно на территории РФ; бипатриды, не имеющие гражданства РФ; беженцы.

Автор отмечает, что до того момента, пока в уголовном законодательстве не найдет свое место в том или ином виде конкретизация понятий «интересы Российской Федерации», «интересы граждан Российской Федерации», а также конкретизация круга преступлений, направленных против государственных интересов, невозможно дать прямой ответ на вопрос о том, какие преступления охватываются реальным принципом в России. Указанное утверждение подтверждает редкая российская практика применения реального принципа, а также результаты проведенного диссертантом социологического исследования.

Кроме того, автор полагает, с точки зрения буквы закона, вне пределов уголовно-правовой охраны от посягательств извне остались интересы юридических лиц, несмотря на то, что анализ зарубежного законодательства показывает, что в уголовном законодательстве некоторых государств содержатся подобные нормы. В частности, проведенное среди сотрудников правоохранительных органов анкетирование показало, что 70% респондентов полагают, что реальный принцип действия уголовного закона в пространстве должен защищать интересы не только граждан, но и юридических лиц.

Важно также отметить, что реальный принцип не связан с правилом «двойной преступности», в отличие от принципа гражданства. По мнению диссертанта, такое положение является вполне обоснованным по той причине, что признаваемые одним государством преступления могут не рассматриваться в качестве таковых другими государствами, на территории которых такие преступления совершены.

Второй параграф посвящен решению проблем соотношения реального и универсального принципов действия уголовного закона в пространстве.

Автор отмечает, что указанные проблемы возникают в связи с совместным закреплением указанных принципов и наличием некоторых общих признаков.

Несмотря на то что оба принципа позволяют реализовывать экстра TERRИТОРИАЛЬНУЮ юрисдикцию, крайне важно их разграничивать в целях правильного и эффективного применения норм уголовного законодательства.

Диссертант констатирует, что недостаточная судебная практика применения реального принципа свидетельствует о том, что в силу ряда причин указанный принцип почти не находит своего практического воплощения, в то время как универсальный принцип реализуется достаточно активно.

Кроме того, проведенное социологическое исследование (анкетирование сотрудников правоохранительных органов) показало, что практические работники в большинстве случаев затрудняются отграничить реальный принцип от универсального.

Таким образом, отграничение и соотношение закрепленных в ч. 3 ст. 12 УК РФ принципов экстра TERRИТОРИАЛЬНОГО действия уголовного закона в пространстве имеют не только теоретическое, но и неоспоримое практическое значение.

Автор отмечает, что реальный и универсальный принципы имеют ряд общих признаков:

1) преступление совершается вне пределов того государства, уголовное законодательство которого применяется;

2) преступление совершается иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно не проживающим на территории государства;

3) лицо не привлекается к ответственности за совершенное деяние в другом государстве;

4) возможность осуществления юрисдикции *in absentia*;

5) применение каждого из принципов в отношении определенной группы преступлений.

Одновременно с этим имеются и различия. Ключевое отличие между реальным принципом и универсальной юрисдикцией состоит в том, что последний распространяется только на наиболее опасные международные преступления, а также преступления международного характера, в то время как первый затрагивает любые деяния, которые наносят ущерб интересам отдельного государства или гражданина данного государства.

В соответствии с универсальным принципом государство применяет свой уголовный закон к преступнику, посягнувшему на интересы не только данной страны, но и любого другого государства, вне зависимости от того, где и кем было совершено преступление. Иными словами, государство действует во исполнение норм международных конвенций, к которым присоединилось.

Однако следует особо подчеркнуть, что применение реального принципа также может быть связано с положениями международных конвенций. Ведь реальный принцип имеет важное значение не только в национальном, но и международном уголовном праве. Более того, особенности действия норм национального и международного права позволяют говорить о существенных отличиях понимания реального принципа действия норм национального законодательства, а также норм международного уголовного права.

Проведенное диссертантом анкетирование сотрудников правоохранительных органов привело к неожиданным результатам: абсолютное большинство респондентов полагают, что реальный принцип (в национальном праве) не имеет никаких отличий от реального принципа в международном праве.

Автор приходит к выводу, что если рассматривать реальный принцип в контексте реализации международно-правовых норм, то его суть заключается в том, что нормы международного права при определенных условиях могут также применяться на территории государств, не являющихся участниками того или иного международного соглашения.

Диссертант осуществляет соотношение реального и универсального принципов, основываясь на актуальном примере — вооруженном конфликте немеждународного характера на Юго-Востоке Украины.

Третий параграф демонстрирует тесную взаимосвязь реального принципа с институтом экстрадиции.

Автор отмечает, что одних только уголовно-правовых средств явно недостаточно для того, чтобы теоретические положения, закрепляющие возможность экстраэ Territorialного применения уголовного закона, нашли свою практическую реализацию.

В связи с тем что осуществление защитной юрисдикции предполагает присутствие на территории государства (применяющего реальный принцип) совершившего преступление лица, в большинстве случаев привлечение преступника к уголовной ответственности становится невозможным без института выдачи (экстрадиции).

Именно по этой причине экстраэ Territorialная юрисдикция государства непосредственным образом связана с институтом экстрадиции, а реальный принцип как исключение из территориальной юрисдикции оказывает существенное влияние на развитие указанного института.

Поэтому автор подчеркивает, что крайне важно найти ответ на вопрос о том, каким образом следует обеспечить фактическое присутствие на территории государства лица, совершившего преступление за его пределами и не являющегося его гражданином. Ведь в практическом отношении осуществление судебной юрисдикции защиты (согласно реальному принципу) становится возможным лишь в тех случаях, когда совершившее преступление лицо окажется в сфере полной юрисдикции заинтересованного государства, то есть на его территории, однако такая возможность почти повсеместно ограничена правилом невыдачи собственных граждан.

Кроме того, далеко не всегда иностранное государство, на территории которого оказалось лицо, совершившее преступление против интересов Российской Федерации или российского гражданина, привлекает к уголовной ответственности преступника. Такая ситуация не должна лишать наше государство возможности осуществить защитную юрисдикцию, в связи с чем в целях защиты нарушенных интересов, а также в целях восстановления социальной справедливости как одной из задач уголовного законодательства РФ необходимо обращаться к еще одному принципу, закрепленному в УК РФ, — принципу экстрадиции.

Заключение диссертации содержит основные выводы, сделанные автором в результате проведенного исследования, а также предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства в части его применения в соответствии с реальным принципом, что позволит повысить эффективность реализации норм УК РФ в целях защиты государственных интересов, а также интересов граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства и зарегистрированных в Российской Федерации юридических лиц.

В **приложениях** содержатся анкеты опроса сотрудников правоохранительных органов, научно-педагогических работников, магистрантов и докторантов, а также отражены результаты проведенного социологического исследования в виде диаграмм.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

**Статьи, опубликованные в ведущих
рецензируемых научных журналах и изданиях,
указанных в перечне ВАК при Минобрнауки России**

1. Реальный принцип действия уголовного закона как способ защиты конституционных прав граждан России / А. А. Макасева // Общество и право. — 2016. — № 1. — 0,6 п. л.

2. Эволюция норм российского права, закрепляющих реальный принцип действия уголовного закона в пространстве / А. А. Макасева // Вестник Российской правовой академии. — 2016. — № 1. — 0,7 п. л.

3. Реальный принцип пространственного действия уголовного закона: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства стран СНГ / А. А. Макасева // Проблемы права. — 2016. — № 1. — 0,3 п. л.

Другие публикации

4. Формирование и развитие принципов действия уголовных законов во времени и в пространстве в годы царствования династии Романовых / А. А. Макасева // Дом Романовых в истории России и Тульского края : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 400-летию династии Романовых (Тула, 18 марта 2013 г.) / РПА Минюста России, Тульский филиал. — М. : РПА Минюста России, 2013. — 0,4 п. л.

5. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве: сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран / А. А. Макасева // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов : материалы науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (Москва, 28 мая 2013 г.) / отв. ред. Б. В. Яценко ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2013. — 0,3 п. л.

6. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве / А. А. Макасева // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 3–4 июня 2013 г.) / отв. ред. В. И. Скрябин ; РПА Минюста России, Тульский филиал. — М. : РПА Минюста России, 2013. — 0,4 п. л.

7. К вопросу о правовых основаниях осуществления уголовной юрисдикции РФ в отношении украинских граждан / А. А. Макасева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 29 января 2015 г.) / отв. ред. И. А. Кузнецова ; РПА Минюста России, Тульский филиал. — М. : РПА Минюста России, 2015. — 0,6 п. л.

8. Реальный принцип как исключение из территориального принципа действия уголовного закона в пространстве / А. А. Макасева // Проблемы развития правовой системы России : история и современность : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 10–11 июня 2015 г.) / отв. ред. В. И. Скрябин ; РПА Минюста России, Тульский филиал. — М. : РПА Минюста России, 2015. — 0,7 п. л.

9. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве : монография / А. А. Макасева ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. — 5,25 п. л.

10. Реальный принцип пространственного действия уголовного закона : проблемы теории и практики / А. А. Макаеева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 18 февраля 2016 г.) / отв. ред. И. А. Кузнецова ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. — 0,5 п. л.

11. К вопросу о зарождении и развитии реального принципа действия уголовного закона в пространстве / А. А. Макаеева // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 6–7 июня 2016 г.) / отв. ред. В. И. Скрябин ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. — 0,6 п. л.

12. Реальный принцип и институт экстрадиции / А. А. Макаеева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 15 марта 2017 г.) / отв. ред. И. А. Кузнецова ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 0,4 п. л.

13. К вопросу о соотношении реального и универсального принципов действия уголовного закона в пространстве / А. А. Макаеева // Проблемы развития правовой системы России : история и современность : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 6–7 июня 2017 г.) / отв. ред. В. И. Скрябин ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 1 п. л.

14. К вопросу об определении места совершения преступления при реализации экстратерриториальной юрисдикции согласно реальному принципу / А. А. Макаеева // Актуальные проблемы развития личности в современном социокультурном пространстве : сб. материалов статей, тезисов, докладов курсантов и слушателей / под ред. О. М. Дорошенко, Н. Б. Нижниченко, Е. А. Никитской. — М. : Русайнс, 2019. — 0,3 п. л.

Подписано в печать 11.04.2019.
Формат 60х90 1/16. Усл. п. л. 1,4. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)».
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.